

БОЛЬШАЯ ВОЛНА
ЛЮБВИ

СБОРНИК
ИЗ ДВУХ ПОВЕСТЕЙ

БОЛЬШАЯ ВОЛНА
В ГАВАНИ

Оксане Пушкиной посвящаю

Глава 1

Не так уж и редко человек случайно оказывается в нужное время в нужном месте, а тысячи дорог сходятся в одной точке.

Михаил открыл глаза, нащупал под подушкой телефон. На часах было девять утра. Учитывая, что он лег далеко за полночь, он мог бы еще часок-другой смело поспать. Но, увы, привычка вставать рано сделала свое дело. Она плевать хотела на выходной день. Михаил откинул одеяло, сел на кровати и, запустив руки в черные как смоль кудри, взъерошил их. Пол приятно охлаждал ступни. После сна тело затекло, и Михаил потянулся с наслаждением, до хруста в костях. Разминая шею, он покрутил головой из стороны в сторону. Взгляд упал на блокнот, который лежал на тумбочке. Михаил взял его и принялся листать и рассматривать рисунки. Некоторые вызывали улыбку, другие, наоборот, заставляли хмуриться. Работы вызывали совершенно разные эмоции, ведь каждая была отражением того или иного события, происходившего в жизни Михаила.

«Чистых листов осталось раз-два и обчелся, придется скоро заводить новый блокнот. Интересно, сколько

у меня скопилось их за все эти годы? Надо бы посчитать как-нибудь», — подумал Михаил.

Он взял с тумбочки небольшое серебристое ведерко, из которого частоколом торчали карандаши. Вытряхнул содержимое на постель и с трудом отыскал огрызок черного графитового карандаша.

«И он тоже заканчивается», — цыкнул от досады Михаил.

Он выдвинул ящик тумбочки, достал темно-серую коробку. На крышке красовался ярко-красный логотип известной швейцарской марки, выпускающей товары для художников. Михаил открыл ее и с сожалением обнаружил, что она пуста. Хоть он и не был профессионалом, но отдавал предпочтение качественным карандашам, рисовать которыми ему нравилось больше всего.

— Ну что ж, придется снова сделать вылазку в художественный магазин, — сказал он вслух, нарушив тишину.

Рисование было его хобби, без которого Михаил не мыслил своей жизни. Куда бы он ни шел, куда бы ни ехал, его сопровождали блокнот и карандаш, не иначе как Санчо Панса своего рыцаря. Он любил рисовать все, что происходило вокруг, только в своей интерпретации. Порой он забывал взять художественные принадлежности и чувствовал себя так, словно его лишили обеих рук одновременно. Тогда приходилось искать им замену и рисовать чем попало и на чем придется. Иногда в ход шли даже салфетки, а если и их не было под рукой, Михаил делал эскизы позже, восстанавливая в памяти прошедший день.

С того момента, как Михаил увлекся рисованием — а это ни много ни мало десять лет, — таких житейских набросков скопилось великое множество. Его хобби одобряли не все. Например, оно раздражало родителей. И в этом не было ничего удивительного. Кому понравится, когда во время семейного застолья или серьезного разговора сын достает блокнот с карандашом и начинает рисовать. В такие моменты его мать, итальянка по происхождению, выходила из себя и высказывалась с горячностью, присущей ее южному темпераменту. «Ragazzo razzo», — бранилась она, что в переводе с ее родного языка означало «чокнутый мальчик». В отличие от нее отец, типичный сибиряк, был более сдержан, но, несмотря на это, порой мог рывкнуть. И сыну приходилось прятать подальше свои художества. Слава богу, хоть друзья относились к его увлечению с пониманием. Они давно перестали обращать внимание на товарища, который, находясь с ними в компании, непременно что-то рисовал.

Михаил достал из ящика канцелярский нож и вместе с огрызком направился к рабочему столу. Выудил из-под него урну и, присев на стул, принялся точить то, что осталось от карандаша. Для нашего героя это был целый ритуал, пробуждающий желание творить. Чем острее становился кончик грифеля, тем сильнее чесались руки провести первую линию. И как бы Михаилу ни хотелось быстрее приступить к рисованию, он одергивал себя: «Спешка хороша при ловле блох». Подготовка инструмента была процессом тонким и кропотливым, здесь суета неуместна, иначе после заточки карандаш будет напоминать скрюченные пальцы Кошечки Бессмертного.

Закончив возиться с грифелем, Михаил внимательно осмотрел результат своего труда и остался им доволен. Теперь изящный кончик огрызка напоминал иглу шприца, а дерево вокруг него было идеально гладким, словно его отполировали пилкой для ногтей. Михаил снова сел на кровать, открыл в телефоне музыкальное приложение, вставил наушники в уши и включил любимый трек рэпера Logic. Уселся поудобнее, опершись на спинку кровати, и закрыл глаза, вспоминая сон. Всю ночь он любовался Юми, которая щедро одаривала его своей божественной улыбкой. Густые темные волосы шелком развевались на ветру, ореховые глаза сияли каким-то неземным светом, безудержной страстью, когда она крутила фуэте в неистовом танце. Ее фигура, обтянутая черной пачкой, была восхитительной: хрупкой, гибкой и удивительно пропорциональной. Никогда в жизни он не встречал девушки красивее. Михаил раскрыл чистый лист блокнота и на долгое время пропал в мире линий, изгибов и теней.

Но вскоре порыв свежего ветра, ворвавшийся в приоткрытое окно, заставил его оторвать взгляд от блокнота. Увидев в дверях соседа по комнате, Михаил выключил музыку и вытащил наушники.

— Эй, русский, ты опять рисуешь? — спросил Тони с типичной улыбкой «what's up man?».

Он снял бейсболку, взлохматил прилизанные волосы цвета выгоревшей на солнце соломы и ловким движением руки забросил головной убор на крючок вешалки. Следом за ним полетела куртка, но, не достигнув цели, упала на пол — эх, не попал. Он звонко щелкнул пальцами и поднял ее.

— Фиговый из тебя баскетболист, американец, — усмехнулся Михаил. — А ты опять ходил фотографировать достопримечательности? — спросил он, вернувшись к рисованию. — Сдается мне, в Сендае уже не осталось ни одной подворотни, которую бы не запечатлела твоя камера.

— Между прочим, ты зря со мной не поехал, — хмыкнул Тони. Он стянул с шеи фотоаппарат и положил его на свою кровать, туда же кинул рюкзак, а потом и сам завалился на нее, не снимая обуви.

— Спасибо. — Михаил кивнул. — Мне хватило тех двух раз, когда я ездил с тобой. Неужели нельзя фотографировать в другое время? Обязательно нужно переться ни свет ни заря?

— Рембрандт, тебе этого не понять. Это ты любишь рисовать людей, а мне нравится снимать окружающий мир, а он особенно хорош на рассвете, когда вся природа еще спит, — выдвинул веский аргумент Тони. Он закинул руки за голову, скрестил ноги и устался в окно. — А сегодня еще и погода великолепная. Не слишком тепло, но зато солнечно. То что нужно для съемок. А какой океан был! — восхищенно протянул сосед и бросил взгляд на Михаила. Заметив, что тот на него не смотрит, он снова устался в окно.

— Какой? — машинально спросил Михаил. Закусив губу, он с усердием выводил изящные линии ножек танцовщицы. — Океан он и в Африке океан, — добавил он.

— Не скажи, — возразил Тони. — Сегодня он был необыкновенный, какой-то непривычно спокойный, будто притих перед бурей. Это ты у нас филолог,

а я юрист, так что мне сложно передать словами ту красоту, которую я наблюдал. Это надо было видеть. А хочешь, я тебе сейчас покажу? — Он вскочил с кровати, взял с тумбочки «Макбук». Вернувшись на прежнее место, Тони поставил его на колени и принялся скачивать снимки с фотоаппарата.

— Ну, давай, папарацци, посмотрим, что ты там снимал, — улыбнулся Михаил.

Пока загружались фотографии, Тони откинулся на стену и с улыбкой посмотрел на товарища.

— Слушай, и долго ты собираешься валяться в общаге? — поинтересовался он.

— А что я, по-твоему, должен делать? — Михаил оторвал взгляд от рисунка, его левая бровь дернулась вверх. — Или ты забыл, что администрация университета устроила нам сегодня выходной?

— Конечно не забыл, — фыркнул Тони. — Все-таки молодцы японцы. Нравится мне их традиция иногда делать дополнительный уикенд.

— Согласен, круто. — Михаил кивнул. — Если бы подобное сделали в России, нам бы точно эта идея пришлась по душе, мы любим отдыхать. Такого количества праздников и выходных дней, как у нас, наверное, нет ни в одной стране мира, — усмехнулся он. — А вот японцам, по-моему, они триста лет не нужны. Я слышал, не так уж и много народа отдыхает в этот день, остальные как пахали, так и продолжают пахать. Они же трудоголики еще те, — со знанием дела заявил Михаил.

— А ты не забыл, что мы сегодня идем к Йоши на вечеринку?

— Да не забыл. — Отмахнулся он рукой с карандашом. — Вот только думаю, стоит идти или нет.

— Майкл, да ты спятил? — воскликнул Тони. — Ты когда последний раз тусил у самураев в гостях?

— Никогда, — усмехнулся Михаил.

Между собой они по-разному называли японцев: и самураями, и панасониками, и джапанами, и нихондзинами. Но эти эпитеты придумывались вовсе не из-за неприязни к местному населению, а всего лишь шутки ради. Парни и друг друга бесконечно подкалывали. Тони, например, иногда называл Михаила Коза ностра или медведем. Он был из того числа американцев, которые до сих пор думают, что в России по улицам разгуливают косолапые, мужики носят шапки-ушанки и сутки напролёт играют на балалайке. Михаил в долгу не остался и тут же записал соседа в вожди краснокожих. Когда бледнолицый светловолосый Тони услышал свое новое прозвище — Чингачгук, — он очень удивился: «Майкл, ты посмотри на меня, я же не имею ничего общего с индейцами, мои предки были ирландцами». Михаил тут же парировал: «То есть ты хочешь сказать, что я похож на медведя?» Тони окинул взглядом высокую мускулистую фигуру товарища и воскликнул: «Конечно похож. Вылитый медведь и такой же здоровый. Гризли!»

Высокий рост и крупное телосложение достались Михаилу от отца, а мать наградила его оливковым цветом кожи, серо-зелеными глазами и волосами цвета воронова крыла. Наш герой был из тех парней, которых обычно называют грозой женских сердец.

— То-то и оно. — Тони многозначительно поднял вверх указательный палец. — Русский, когда еще у нас

будет возможность побывать на вечеринке японских студентов? Да я себе вовек не прощу, если вернусь в Орегон, так и не увидев, как веселится местная молодежь. Сдается мне, что там и твоя куколка будет. После того как Йоши вчера свалил из клуба с ее подружкой, он должен их позвать. Так что сегодня вечером идем на тусовку — и точка, — подвел итог Тони.

— Ладно, ладно, — согласно закивал Михаил, — убедил.

— Скачал, — радостно сообщил Тони, он взял «Макбук» и подошел к кровати приятеля. — Подвинься, покажу, какую красоту ты сегодня проспал.

Михаил опустил ноги на пол, Тони присел рядом, поставил «Макбук» на колени и приготовился пролистывать снимки, но тут его взгляд упал на блокнот.

— Майкл, ты опять ее рисуешь? — Тони нахмурился. — Сколько у тебя уже рисунков с ней?

— Не так уж и много, — уклончиво ответил тот.

— Ага. Русский, по-моему, ты серьезно влип, — с усмешкой сказал он. — Хотя, ты знаешь, я тебя прекрасно понимаю. Такую цыпочку грех не рисовать. — Он подмигнул. — Если бы она смотрела на меня так же, как смотрит на тебя, клянусь, я бы научился рисовать только ради одного этого взгляда.

Тони, как и Михаил, тоже не был профессионалом, но он так умело выбирал ракурсы, что его снимки казались шедеврами, которыми можно было любоваться бесконечно. На многих фотографиях красовалась статуя белокаменной богини Каннон, расположенная на территории одноименного храма. Стометровую деву можно было лицезреть практически из любой точки

Сендая. Когда парни выбирались на прогулку по городу, Михаил чувствовал себя будто под прицелом. Казалось, что зоркое око божества следило за каждым его шагом, и укрыться от него можно было только в каком-нибудь здании. Это нисколько не смущало местных жителей, наоборот, они очень гордились своей покровительницей. Она не только считалась одной из самых высоких статуй в мире и главной визитной карточкой города, но еще и приносила людям счастье и благополучие. При условии, если они молились в ее храме, конечно.

— А ты знаешь, как называется моя камера? — неожиданно спросил Тони.

Он прекратил листать снимки, на экране застыла богиня, снятая крупным планом. В ее правой руке была отчетливо видна жемчужина желаний, а в левой — небольшой сосуд с водой мудрости.

— Сапоп. — Михаил бросил взгляд на фотоаппарат, а когда посмотрел на друга, тот хитро улыбнулся. — То есть ты хочешь сказать, что они назвали свою компанию в честь богини?

— Ты смотри, какой догадливый, — усмехнулся Тони. — Если честно, я тоже об этом узнал только сегодня, после того как погуглил картинку с ее изображением в интернете. Молодцы ребята! На фига им молиться, они решили добиться ее расположения, так сказать, кардинально. Надо как-нибудь подняться на статую, говорят, с ее смотровой площадки открывается потрясающий вид на Сендай.

В отличие от друга, в океане Михаил не увидел ничего необычного. В этот день он выглядел как огромная серая лужа, сверкающая в лучах солнца. Хоть Тони

и любил снимать окружающий мир, но все же иногда в его объектив попадали люди. Да и как они могли не попадать, когда порой среди них встречались такие экземпляры, мимо которых невозможно было пройти. Японцы сами по себе были народом необыкновенным, но некоторые из них выглядели будто пришельцы с других планет. Что-то в их внешности притягивало взор. Вот одного такого забавного старика Тони снял в автобусе, на котором добирался до побережья океана. Михаил всегда с пониманием относился к различного рода проявлениям человеческой индивидуальности. Но, глядя на седовласого дедулю с бородой, как у Карла Маркса, одетого в ярко-розовое женское пальто, из-под которого виднелось черное платье до пола, с ярко-голубым платком на шее и дамской сумочкой через плечо, Михаил впал в глубокий ступор и несколько минут безмолвно рассматривал чудаковатого пассажира.

— Ты не находишь его очаровательным? — с иронией спросил Тони.

— Да он просто милаха, — бросив взгляд на соседа, рассмеялся Михаил.

— Я точно так же, как ты сейчас, пялился на него в автобусе, — признался Тони. — До тех пор, пока он не подмигнул мне, — хохотнул он. — Ты лучше вот на этого чувака посмотри. — Он открыл следующий снимок. — Я его встретил в метро, пока добирался до станции.

Как и на предыдущей фотографии, на этой тоже был престранный старик. Вокруг его блестящей лысины свисали сосульки седых волос, что делало его похожим на кальмара, а жиденькая бороденка и куцые усики до-